

Поэтесса

1.

— Гуляем десять минут, — сказала Дурович, экскурсовод.

— А что здесь смотреть? — спросила поэтесса Дышло, шаря взглядом в окне.

— Ничего. Это для отдыха остановка, в туалет сходить, — ответила Дурович.

Поэтесса вернулась в сиденье, довольная тем, что еще не время работать, но соседки подвинулись ближе в хитром предвкушении.

— Смотри, как интересно, — проникали они в Дышло, — стихи рожают.

— Совершенно ничего не рожаю, — обескураженно ответила поэтесса, — с чего вы взяли?

— Говорила же, что будешь на каждой остановке писать.

— На каждой, где есть достопримечательности. Газете только они нужны. А здесь их нет, как сказала Дурович.

— Как нет? — с радостным возмущением сказала Дурович.

— Здесь, если хотите, столько достопримечательностей, что обыкновенностей меньше! Просто у нас времени мало! Когда нет спешки, мы тут останавливаемся на целый час!

— Правда? И что здесь самое главное? — спросила Дышло, глядя на скучную улицу.

— самого главного отсюда не видно. Церковь Святой Троицы. Красивейшее, нежнейшее сооружение.

— Так и напишем, — довольно расхохоталась поэтесса.

Она достала из сумочки блокнот и открыла чистую страницу. Рука создала экспромт толстым, трафаретным почерком, без исправлений и долгих пауз.

Красивейшая, нежнейшая,
Церковь Святой Троицы.
Все любят тебя,
Но с другой околицы.
Мы посмотрим на тебя,
Может, в следующий раз,
А сегодня, прости, нет,
Спешка быстрая у нас.

Приятельская свежесть охватила автобус, даже водитель заблестал из зеркальца смешными зубами.

— Отлично! Здорово! Какой удивительный талант! — посыпались на голову поэтессе восхищения.

Стихотворение было повторено коллективом. В каждом отрывке кто-нибудь непременно находил свою особенную красоту. Дышло тихо радовалась успеху, довольная, что отважилась начать раньше срока. Ей всегда тяжело начать, потому что страшно написать непрофессиональный стих.

— Теперь шеф будет доволен, — хвасталась она соседке по сиденью, работнице снабжения Грибнюк. — Рассказ об экскурсии получится еще больше, чем я планировала. А то мы никогда не знаем, чем заполнить газету.

Грибнюк похахатывала — ей тоже часто случается придумывать себе работу.

Несмотря на вращающиеся пружинистые колеса, автобус потащился по песку. Вдруг из крутящегося горизонта домов взмолился крест, и Дурович оживилась:

— Вот! Вот она видна! Церковь Святой Троицы!

Люди обвешали левую половину стекол, на поэтессу вскарабкался ребенок крановщицы Бенько. Крест был маленький и далекий, он то немного показывал свое здание, то снова убирался. Вскоре городу наскучило мелькать, он спрятался

и снял крест. Общее впечатление осталось, что церковь хуже стиха. Пассажиры заскучали и стали мечтать о следующем экспромте.

2.

— Церковь Святого Архангела Михаила, — поставленным голосом сказала Дурович. — Уникальная постройка оборонительного типа, культурная ценность. Содержит православную святыню. Шестнадцатый век. Готика.

Автобус пшикнул и раскрылся. Экскурсия вывернулась из него на землю и окружила церковь, разминая затвердевшие в долгой езде зады.

Дурович рассказывала легенду, непрерывно теряя людей, и закончила ее одной себе. Дышло степенно шагала вдоль забора, лениво поглядывая на всплывающие церковные ракурсы, за ней ступали несколько шутливых почитательниц. Кроме искусных витражей, поэтесса ничего особенного в церкви не отметила. Намного лучше были живущие в бойницах ласточки, которые счастливо щебетали и иногда взлетали, красуясь перед родней.

Внутри злое обаяние церкви-крепости распалось, разинув цветное солнце витражей и чувственные деревянные иконостасы. Женщины натянули платки и юбки и облядывали иконы. Смотря на святыню, никто не понял, что это именно она. Поэтесса расположилась на лавочке возле церкви и уверенно записала в блокнот следующие слова:

О, Церковь Святого
Архангела Михаила!
Твоя дивная осанка
Меня к месту пригвоздила!
Так в тебе хорошо

Помахать кадилом!
Кто построил тебя?
Где его могила?
Безымянного творца
Слава обделила!

Стих, а особенно его последние строки, необыкновенно понравились Дышло. Она выразила в своей ветреной лирике мысль, что случается редко, и была очень собой довольна. Она любовалась стихами и несколько раз прочитала их людям вслух.

— Прекрасно! — говорили ей после каждого прочтения. — Все именно так, как мы сами и подумали!

— Ура! — хлопали дети, рассеянные после долгого умственного напряжения.

Пескоструйщица Дуванчик лично подошла и сплуснула талантливую руку стихотворца.

Вдруг обласканная поэзией церковь стала легкой и прозрачной. Странное чувство порядка посетило поэтессу, видящую это. И стриженные кожистые растения на пузыристой земле, и расчесанные поля, и спрессованные дороги — все вокруг жило порядком. Церкви, молебны, труд, простая человеческая жизнь. Ее стихи. Поэтесса вернулась в автобус, пребывая в легком смятении.

3.

В автобусе было жарко, поэтому запустили ветер. Воздух грубо бил по лицам и срывал занавески. Проезжали бесподобные места: убегающие от дороги, заплывшие квадратами растущей пищи скромные деревеньки, вылинявшие луга, придавленные массивным светом из шара в небе, просторные, отрешенные сказочные леса. Природа

пьянила Дышло своей абсолютной красотой, хотелось остановиться и выйти на каждой следующей полянке. Казалось: вот они, силы! Все получится! Черные илы старых стволов, лежащие на молодых деревьях! Птицы, чешущие клювом вспотевшие мышки! Ручьи, сгноившие мох! Облака, нежные, набитые дождем белые массы! За всем не уследить! Сколько всего! Сколько цветов, травинок и жучков, сколько криков и песен! И все размыто, все пропадает за автобусом! А впереди, сколько еще впереди! Вон дорога, дрожа, заходит за холмистую петлю горизонта! Так далеко! А за ней! Сколько еще за ней!?

— Неужели я так давно не была на природе? — думала Дышло. — И все забыла?

И вправду не была и забыла. Ехали двадцать минут, а растворенная в окне поэтесса ощутила лишь одно мгновение, лишь одну пронесшуюся мысль. Некоторые пассажиры успели заснуть, и влетевшая в автобус пчела страшно их перепугала. Ударенная незадачливым насекомым Грибнюк спросонья стала, как всегда, надо всем посмеиваться глухим шепотом и оторвала поэтессу от красоты. Дышло повернулась к приятельнице и увидела перед собой нечеловеческий пучелазый студень из лица, который прыскал смехом и создавал гримасы. Поэтесса была слишком озадачена и не могла воспринять ни одного слова, лишь по привычке смеясь, когда смеялся студень.

Остановились возле ворот, ведущих в лес. Вокруг них велась торговля религиозными атрибутами. В лесу находился известный чудотворный источник.

— В летописи зафиксированы, — вещала зевающая после сна Дурович, — сотни чудес святого источника. Верующие больные выздоравливали от тяжелых, и даже неизлечимых заболеваний. Врачи опускали руки, — добавила она возмущенно, — но источник всегда выручал истинно набожного

человека!

После такой рекламы заварился ажиотаж. Несмотря на то, что экскурсанты были здоровые, они переоделись в купальники и выстроились возле купели. В маленьком бассейне отмокал худенький бородатый мужичок. Женщины по очереди к нему ныряли, и он каждую молчаливо истачивал взглядом. На выходе они крестились и восторгались купанием.

Втянув живот, Дышло прыгнула в купель, и мужичок взвился в поднявшейся волне.

— Ой, простите, — сказала поэтесса, суча под водой руками и ногами.

Он не ответил, продолжая угрюмо мучить глазами ее наготу. Времени было мало, и Дышло постаралась сосредоточиться на ощущениях, но в ванне сидел мудрец, над головой нависала очередь, — чувства проходили мимо. Поэтесса запомнила только, что вода была очень чистой и холодной. Она снова втянула живот, выбралась из купели и сказала:

— Очень чистая и холодная вода.

Завернувшись в полотенце, поднялась на холм и оттуда отяделась. Очередь тучных тел лежала в лесу сморщенным червем и медленно всасывалась в церковку купели. Вдаль убегала ЛЭП, широкой просекой распарывая чащу. На холме было хорошо и одиноко. Дышло вытащила из сумки блокнот и настроилась на стихотворение.

Святой источник
Взаправду свят,
В нем лечатся
И стар, и млад.
Купель раскрылась
Чудной водой,
Для пилигримов
Звуча трубой.

Рука по привычке снимала экспромт, так же, как многократно делала это раньше, но Дышло впервые почувствовала сопротивление рождающимся словам. После каждой строчки она медлила, гадая, что же идет не так. Стихотворение выходило легковесным и глуповатым. Поэтесса задумывалась о том, что надо бы зачеркнуть плохие стихи, но рука все равно продолжала писать, потому что раньше никогда не исправляла написанное.

— Ну и глупость, — сказала Дышло и перечитала. — Ну и ерунда.

Ведь всегда такие стихи писались, подумала она. Для газеты пойдет. Но для себя? Они же неправильные!

На холм взбирались покрытые гусиной кожей голые женщины. Еще издалека они заметили блокнот в руке поэтессы и обрадовались. У Дышло желания продемонстрировать им произведение не было. Она положила блокнот в сумочку и озорно пританцевала, чтобы рассеять их внимание. Это не спасло.

— Написала? — спросили у нее.

— Написала, — не смогла она соврать.

— Читай.

Они повесили полотенца на плечи и выстроились в ряд. Поэтесса нехотя вынула блокнот и зачитала. Реакция была такой же, как и на прошлые стихи. Хлопнуло несколько аплодисментов, блики радости осветили группу.

— Шедевр, — безапелляционно сказала Дуванчик.

— Прекрасные, удивительные строки, — согласилась с ней Бенько.

Поэтессе их интонация показалось несколько натянутой. Она решила, что подружки хвалят просто по привычке. Неискренние

комплименты еще больше подавили ее.

4.

Спустившись с солнечного балкона, экскурсия поехала дальше.

Ребенок Бенько пилил ножичком кресло перед собой.

— Что ты делаешь? — отняла у него оружие Дышло. — Нельзя!

— Если я вас похвалила, — сказала Бенько, — то это не значит, что я разрешила вам воспитывать моего ребенка!

Что это за “я вас похвалила”? — возмущенно думала поэтесса. — Зачем это сказано?

Ехать было недалеко — только разогнавшись, автобус встал.

— Вот и цель нашего путешествия, — доложила Дурович. — Великий Свято-Успенский монастырь.

Растрепанные и слабые после купания, пассажиры вышли на песчаную обочину. Накрыв глаза тенью, Грибнюк спросила:

— А когда мы будем кушать?

— У нас заказан стол в закусочной, — вежливо сообщила Дурович. — Покушаем после того, как рассмотрим все достопримечательности.

— Скорей бы, — сказала Грибнюк.

Дурович подвела отару к воротам в монастырь и раздала платки.

— Заходим гуськом! Не душимся! — велела она, когда экскурсия раздавилась о ворота.

Нагулявшись по монастырю, экскурсанты собрались на лужайке с видом на весь ансамбль. Дурович начала рассказ.

— Сейчас мы увидим главную святыню этих мест. Чудесную икону божьей матери. Икона нерукотворная, необычайно

маленькая и благостная. В 1470 году она явилась под обычным деревом в белых потоках прекрасного неземного сияния. В честь ее появления соорудили деревянный храм, который, однако, вскоре сгорел. Вместе с ним сгорела и икона. Тогда возле руин храма возникла странная дева невыразимой красоты, которая снова принесла людям икону. Люди очень обрадовались и на второй раз поместили святыню в каменный храм...

Рассказ приостановился, потому что деревенские комары беспощадно терзали Дурович, и она вынуждена была некоторых убить. Экскурсанты тоже страдали от свербящих ран и махали на комаров выданными у входа платками. Все комары, как и их жертвы, были странствующими женщинами, оставившими своих мужей сидеть в безопасности.

— Ну ладно уже, хватит, — сказала Грибнюк, воспользовавшись паузой. — Пойдемте скорей смотреть на икону!

Экскурсанты подняли на знамена ее лозунг и пошли в главный собор. Внутри собора их встретил обходительный священник с двумя семенящими служками за спиной. Он сам провожал каждого посетителя к иконе и заставлял ее целовать. Дышло оробела в атмосфере величия и строгости, и когда священник взял ее за руку и повел к святыне, забыла саму себя. Поднявшись по ступеням, она неловко опустила губы в бликующее стекло, и только потом увидела икону. На миниатюрном овальном образке из пористого и ветхого материала, не то дерева, не то камня, проступали вздутые скелеты людей, по умиротворенным позам которых можно было понять, что они святые. Образок был не сразу различим в пышном, сверкающем драгоценностями окладе, состоящем из венка, листьев, узоров тонкой работы, а также вывешенных на цепочках крестов. Дышло старалась разглядеть лица в стертых

силуэтах, но видела лишь рыхлую породу, застывший момент страшного подземного кипения. Она простояла, разрушая зрение и всматриваясь в темные поры, пока священник не оттащил ее за руку. Икона оставила пустое впечатление, несравненно ярче запомнились выпуклые богатства оклада. Что-то было хорошее в том, как самоцветы и развернутые на цепях кресты окружали образ. Что-то чуткое, любовное.

Когда все выполнили долг перед иконой, экскурсия собралась в закуской. За длинным столом сидел и обмахивался салфеткой водитель в расстегнутой рубашке. По его эластичному животу бежала тяжелая мутная капля.

— Я уже покушал, — сказал он. — Не стесняйтесь.

— Тарелка супа — это покушал? — фыркнул кто-то, скрытый кассовым аппаратом. — Это ничто.

— Жарко, — отмахнулся водитель.

— А кто это такой там прячется? — шаловливо спросила Дурович.

— Это я, — вылянула курчавая, как губка, голова в колпаке.

— Заведующая закуской. Буду вас обслуживать.

— Вот, пожалуйста, и обслужите. Хотим наесться досыта!

— Ой, как хорошо! Ой, как правильно!

Заведующая выкатилась из кассы и скрылась на кухне. Оттуда послышался ляг. Дышло зашла в туалет, чтобы освежиться водой, и когда вышла, места уже были заняты. Оставался последний стул, в середине стола, у стены. Чтобы сесть, ей пришлось смять людей в проходе.

Вскоре заведующая обносила экскурсию закусками. Сидящая возле поэтессы Грибнюк брала себе по две тарелки.

— Вот умница моя, — радовалась заведующая. — Вот молодчинка. Если бы только все так хорошо кушали.

Грибнюк молола пищу, источая в кормилицу благодарные

взгляды. Водителю стало еще жарче возле горячих кушаний, и он вышел курить.

— Не могу нарадоваться, — говорила заведующая, любуясь пропаданием еды во ртах. — Ах, вы мои детки. Всех накормлю.

Грибнюк спросила еще.

— Лучше всех кушаешь, моя хорошая. Спасибо тебе.

Заведующая поцеловала любимицу в темя.

— Я бы не сказала, что так уж все и вкусно, — ответила пополнившая Грибнюк. — Но с голодухи можно.

Заведующая осторожно вынесла гигантское блюдо с жареной говядиной. Говядина громоздилась неправильной пирамидкой и спускала на пол капли бурого сока. Волокна ее были раскрыты и пышны.

— Это за мой счет, — сказала заведующая. — Лучшей посетительнице.

Грибнюк недоверчиво смотрела на дар.

— Во мне борьба, — сказала она. — С одной стороны, я уже наелась, а с другой, не хочется отказывать.

— Не отказывай, дорогая, — заведующая поставила блюдо перед ней.

Грибнюк положила кусок в изнемогший рот.

— Кто же так говядину-то жарит, — проворчала она. — Столько мяса испортили.

И съела второй кусок. Затем еще один. Все экскурсанты пристально смотрели на немислимый подвиг. Дышло была буквально заморожена своей подругой.

— Чего смотришь, — промычала Грибнюк. — От ответственности не уйдешь. Доставай инструменты.

Не дают расслабиться, подумала Дышло, положила на стол блокнот и ручку.

— Начинай, — сказали ей.

Она откинулась на спинке стула. Поевшая, свежая. Был удивительный день, столько нового принесший. Дышло думала о своем неумении писать. О стертых приемах, которыми она пользуется.

Вдруг всплыл стих. Поэтесса записала и прочитала его публике.

Шлифованные приемы
Спускающейся с неба меня
Это то же, что вздорные гномы,
Усевшиеся на коня.

— Ничего, — чавкнула Грибнюк. — Только надо не “спускающейся”, а “спущенной”.

— Скорее “сброшенной”, — сказала Дуванчик.

— А у меня к этой строчке претензий нет, — говорила Бенько.

— Меня, скорее, не устраивает “вздорные гномы”. Мне кажется, эти гномы должны быть важными.

— И почему это? — всколыхнулась бухгалтер Рубан. — Вовсе не должны.

Дышло рожала дальше.

Везде воздух один,
Все одни дороги.
Почему же господин
Дал мне эти ноги?

— Все хорошо, кроме одной неясности... — начала разбирать стих Бенько, но Дышло не могла остановиться.

Валится лес предо мною,
Чтоб о себе прогреметь,
Изгибистой птичьей тропею
Просится облететь.

— Это что, про сегодняшний лес, что ли? — догадалась Дуванчик.

Перед всеми повис один образ: вбираемое в окно шоссе, густой лес, обнимающий кругозор.

Стих развивался.

В борьбе между право и лево
Образовалась дыра
Это ножницы в крест разомкнулись
И светятся словно бра.

— Еще не то, — сказала Бенько, — продолжай.

Мы заряжены в пращу и заведены
Облетаем жизнь, как фрагмент страны,
Все щедро, все пьяно, в каждой вше
Сочащееся сложностью клише.

— Дальше.

Дальше Дышло хотела повернуть на икону. Надо как-то подобраться к задаче. Направить появляющиеся строчки на объект.

Круглые бока нашего корабля...

— Не могу, — сказала она. — Не про то пишется. Теперь надо про икону.

— Встань, походи, — посоветовали ей. — Поприседай.

Она вышла из-за стола и начала приседать, перебирая образовывающиеся стихи. Хрустели колени, трещали забитые мясом зубы Грибнюк. Вернулся водитель. Заведующая собирала посуду.

Дышло не знала, как подступиться к иконе. Дело было не в религии, не в чудесах, а в профессиональном желании описать икону абсолютно корректно. Такую маленькую и такую золотую. Такую породистую, пористую. Черную. С двумя людьми. Неразличимыми. С окладом, с крестиками под странным углом. Маленькую и золотую. Через каждые несколько приседаний поэтесса подходила к блокноту и записывала все приходящие в голову образы. Стихи пока не получались. Вдруг снова родилось целое стихотворение, не имеющее отношения к иконе.

Жир из-под кожи лезет
Жир бьет из-под земли
Животные едят животами
Жирные пузыри
Камни и древесина
Во всем есть свой липкий жир
Он жирный, как скотина,
Наш изменяющийся мир.

Встала Бенько и продекламировала свои стихи:

Славящие себя люди
Никогда не узнают, что будет
Внутри скрипящего сапога,
Пока не повиснут
Совсем бескорыстно,
Вниз головой, как серьга.

Следуя ее примеру, Дуванчик тоже прочла:

Луч ветки преломился в стволе
Как двойственный иероглиф,
Поющий о весне.

Это стихотворение сочинила и Рубан. Она вскочила, вне себя от возбуждения, и продолжила запальчиво и театрально, со своей неподражаемой интонацией:

Тяжелый плотный этот ствол
Судьба для листьев и отец
Не убежать им со ствола
Ни вниз, ни вверх, ни в смерть.

Грибнюк осталось съесть всего несколько кусочков, но она тоже захотела прочесть стихи.

— Я вставать не буду, прочитаю так, — сказала она, развалившись.

Мы умираьем не обязаны, а только смазаны,
Мы в умираье ввязаны, как в вазы,
И плавая, мы крайние счастливы,
Что можем не слегка, а полно шевелиться.

Дурович тоже внесла вклад:

Это все впереди,
То, что зелено нами.
В этом песни есть
Такие, что стали делами.
В этом разрастание есть,
Обернувшееся временами.
Об этом присутствует весть
С загадочными краями.

Вскоре все присутствующие говорили стихами. И водитель, и заведующая, и дети, и все одновременно рожали бесформенную массу двустий, спаявшуюся так, что не разобрать было ни стиха. Абракадабра голосов была сложной и живой. Там и здесь из нее выглядывали отдельные слова или их

части. На Дышло, забывшую в этом хаосе о своем поручении, вдруг упал стих. Он скользил, и поэссса то теряла его, разрываемаа абракадаброй, то снова сочиняла. Он получился простенький и маленький, как сама икона.

В золоте крестов
Почтимый венцом
Камень заключен,
Прорастивший зерно.

— Ой, — хрюкнула Грибнюк над пустой тарелкой. — Ой-ой, сестрицы!

Перед ней возникла забытая деталь ее самого дальнего детства: изогнувшаяся аркой гусеница на деревянной стене. Деталь сладко искрилась, как фейерверк.

— Ой-ой-ой, — качала Грибнюк головой, обмякнув на стуле. — Это же надо, что происходит.

Закусочная темнела и округлялась. Стоя на месте, стулья двигались.

Обвал поэзии внезапно прекратился, наступила шумящая тишина.

Экскурсанты спохватились, обнаружив себя вокруг убранного стола, и засобирались.

— До свидания, — прощалась заведующая. — Вы мне очень понравились. Приезжайте еще.

— Как-нибудь, — говорили ошеломленные посетители и выбегали прочь.

Автобус спокойно ждал их на стоянке.

— Ну что, удалась маевка? — спрашивала Дурович, но экскурсанты жали плечами, не понимая вопроса.

Дышло перечитала стих в нормальной обстановке и он перестал ей нравиться. Ей хотелось бы рассказать больше.

- Не получился стих, — сказала она Грибнюк.
- Давай перепишем, — ответила та, взметнув ресницы.

Май 2016 г.